

A movie poster for 'Nefelin - Nit'. It depicts a devil with red horns and a woman with angel wings in a cathedral. The devil is whispering into the woman's ear. The background shows a large cathedral with arched windows and stone pillars. The lighting is dramatic, with light streaming through the windows.

Маат Дамиана

Нефелин - Нить судьбы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маат Дамиана

Нефелин - Нить судьбы

<https://litres.ru/74081996>

SelfPub; 2026

Аннотация

Габриэль, святая жрица древнего храма, лишилась божественной милости: её крылья оборвались и осыпались пеплом, когда богиня отвернулась от неё.

Перед ней встал тяжёлый выбор - от него зависела не только её судьба, но и жизнь близкой подруги, которой грозила та же участь. Чтобы спасти дорогого человека, Габриэль ступила на запретную тропу и на границе света и мрака встретила демона. Он предложил помощь, способную перековать судьбу, но цена была страшна: сначала её кровь, затем судьба, а в конце - тело.

Между Габриэль и демоном зарождалась тёмная, завораживающая связь.

История о том, как среди отчаяния тлеет надежда, во тьме вспыхивает любовь, а боль превращается в мужество: сможет ли Габриэль вернуть утраченное или обретёт нечто иное, что навсегда изменит её сущность?

Содержание

Пролог	4
Глава I Печать судьбы: Бездна отчаянья	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Маат Дамиана

Нефелин - Нить судьбы

Пролог

В замке, полном отчаяния и страданий, провозглашённом «Судом тьмы», где смерть вершит судьбу людей, время течёт медленно и пугающе.

Замок, в котором слёзы - это свет души, а смех - проклятье. Идёт процесс, в ходе которого будет вершиться судьба одного из падших. И имя ему - Аббадон, а проклятье его - вечные мучения. Суд над ним не сжалится и изуродует его тело, покрывая печатями проклятья.

В центре зала Судья с величием начал свой приговор - громким, басистым голосом. Его слова звучали подобно грому среди ночи:

- Аббадон! Демон войны, лжи и коварства, обвиняешься в предательстве преисподней, убийстве собрата и сговоре с Нефелином. Приговариваешься к вечному подвешиванию на цепях - без сердца и сил. Тело твоё станет пищей для прислужников Ада, и покроется печатями предателя, а кровь твоя наполнится отравляющим ядом.

В самом сердце мрачного зала, подвешенный на тяжёлых цепях, висел ослабевший демон. Из его пустых глазниц со-

чилась алая кровь, грудь озаряла огромная рана, сквозь которую виднелись внутренности. Несмотря на всё унижение и боль, демон едва заметно приподнял голову и тихо произнёс хриплым голосом:

- Моё тело давно превратилось в брентную оболочку... Но моя душа, бурлящая внутри, способна уничтожить каждого из вас!

Присутствовавшие замерли в панике, обеспокоенно переглядываясь друг с другом:

- Как мы можем быть уверены, что он не сорвётся с цепей?! Ведь перед нами сам демон войны...

Разгорячённые голоса смолкли мгновенно, стоило лишь судье встать с трона. Голос его прозвучал властно, но спокойно:

- Слушайте все! Я - сама Тьма, я - сама Смерть! Я говорю вам, и вы слушаете меня: этот падший демон умрёт без сердца, которое находится именно в моих руках. Попытка бегства приведёт лишь к мгновенной гибели!

Присутствовавшие радостно возопили - ликование нарастало, словно волна, захлестнувшая зал. Их торжествующий смех эхом отдавался в ушах несчастного Аббадона, заставляя сжиматься его истерзанное сознание. Глядя на собственное изъятое сердце, демон почти беззвучно прошептал себе под нос:

- Теперь я демон без сердца... Но даже без крыльев моя малышка смогла выжить... Значит, и я смогу пережить это

испытание...

Глава I Печать судьбы: Бездна отчаянья

«Нет совершенных людей,
есть лишь иллюзии их образа,
пожирающие вашу реальность»

На самой окраине величественного государства Альдраго расположился ветхий домик зелёного цвета. Стены здания покрыты пятнами старой, осыпавшейся краски, а деревянные ступени лестницы поскрипывают, будто хранят секреты минувших лет. У входа старый булыжник удерживает разошедшуюся деревянную дверь, а лёгкий ветерок колышет тонкие шторы в голубую полоску, украшающие окно рядом с уютной кухней.

Кухня дома невелика, но её домашний уют смягчает бедность обстановки. Здесь стоят два простых деревянных стула вокруг круглого стола, скромная кухонная плита и несколько старых шкафчиков, доверху заполненных съестными припасами. Продукты разложены в плетёных корзинах, а в правом углу теснятся мешки с мукой, сахаром и пшеном.

Здесь обитают трое молодых людей, известных всей округе как отшельники и изгои общества. В обычный тихий день один из жителей стремительно промчался по узкому коридору второго этажа, открыл последнюю дверь, парень замер

на пороге, невольно залюбовавшись её обликом - даже в этой неловкой ситуации Габриэль казалась почти неземной. Длинные светло-золотистые волосы мерцали в лучах утреннего солнца, а огромные чёрные глаза, встретив его взгляд, на мгновение вспыхнули раздражением, тут же сменившимся привычной печальной стойкостью.

- Ну, посмотрелся? - бросила она, и в голосе прозвучала не злость, а усталая покорность.

Бледное лицо с чуть вздёрнутым носом выдавало детскую наивность, но осанка -прямая, напряжённая - говорила о несгибаемой воле. Он невольно опустил взгляд ниже, к месту на спине, где когда-то белели крылья... Теперь там виднелись лишь рубцы -болезненное напоминание о потере, случившейся в двадцать лет. Но даже сейчас, несмотря на всё пережитое, в ней чувствовалась готовность помочь, исцелить, поддержать - будто сама её сущность сопротивлялась ожесточению души.

Покраснев, Рик быстро отвернулся и слегка дрожащим голосом промолвил:

- Г-Габи, я принёс газету, посмотри, что пишут в заголовке!

Рик выглядел как очаровательно наивный подросток: короткие каштановые волосы собраны в аккуратный хвостик, а узкие зеленовато-изумрудные глаза искрились любопытством и задорным блеском. Лицо, щедро усыпанное золотистыми веснушками, светилось мягкостью - недаром его про-

звали «Поцелуем солнца».

Невысокий и подвижный, он располагал к себе искренностью и добротой, хотя каждое движение выдавало природную неуклюжесть. Но за детской непосредственностью скрывалась не по годам зрелая мудрость.

Когда-то Рик служил послушником в соборе, но после несправедливых обвинений в краже его руки погрузили в раскалённое масло. Теперь он носил кожаные перчатки, скрывавшие увечья, - символ внутренней борьбы между болью и надеждой. Потому и говорил всегда прямо, словно пытаясь вернуть утраченную чистоту общения.

Девушка тяжело вздохнула и слегка усталым голосом произнесла:

- Уже две недели прошло с тех пор, как меня выгнали из собора, и газеты с тех пор постоянно пишут обо мне. Чем же там может оказаться новая информация?

Молодой парень нервно помял газетный лист в руках и тихим шёпотом ответил, осторожно передавая издание:

- Думаю, тебе действительно стоит ознакомиться с сегодняшним номером. Новость, увы, весьма неприятная... А и, если вдруг придёт Марк, скажи, что это не я принёс тебе газету.

Габриэль почувствовала тревогу, взяв издание в руки. Быстро пробежавшись взглядом по заголовкам, она испуганно вскрикнула и крепко смяла страницы. Дыхание стало неровным, голос дрогнул:

- Нет, нет, нет... Как такое возможно? Как она вообще согласилась на подобное, прекрасно понимая, что произошло со мной?!

Рик аккуратно закрыл дверь, оставив девушку переварить полученную информацию. Опустившись на пол, Габриэль повторяла бессвязные фразы, крепче сжимая газету.

Тем временем на противоположной стороне государства располагался огромный старинный особняк. Его величие поражало взор, но одновременно пугало холодной враждебностью и угнетающей атмосферой. Птицы давно перестали петь вблизи этого мрачного места, сады заросли чахлой травой - вся природа будто бы умерла, уступив место бесплодному холоду и молчанию.

Особняк представлял собой массивное здание с высокими башнями и острыми шпилями, устремлёнными вверх, словно стремящимися коснуться неба. Внешне строение производило впечатление монументальности и мощи.

Внутри царила особая тишина. Рабочие ходили тише воды, опасливо оглядываясь по сторонам. Никто не смел поднять голос или сделать лишнее движение. Люди исполняли свои обязанности молчаливо и поспешно, словно опасаясь вызвать гнев хозяина дома. Любой незначительный промах карался немедленно и строго - и все это знали, потому в коридорах особняка не звучало ни смеха, ни разговоров, лишь приглушённые шаги да скрип старых половиц.

На втором этаже особняка находилась просторная спаль-

ня хозяина. Там неподвижно лежал мужчина, прикованный болезнью к постели. Его монотонный слуга докладывал новости:

- Господин, в соборе выбрали новую жрицу. Избранной кандидаткой стала Афина. Во времена прошлой службы Габриэль она выполняла роль её защитницы и живого щита.

Мужчина внимательным взглядом смотрел на слугу. Его тяжёлое дыхание наполняло тишину помещения, создавая ощущение напряжения - будто сама смерть затаилась в углах комнаты. Казалось, что он ничего не чувствует, но, услышав имя «Габриэль», на секунду вспыхнул призрачной улыбкой, мгновенно исчезнувшей с губ.

А в это время, далеко от мрачных стен особняка, Габриэль сидела одна в своей комнате, задумчиво глядя вдаль. Сквозь узкое окно пробивались бледные лучи солнца, ложась на её лицо едва заметными тенями. Мысль о спасении подруги, оказавшейся в ловушке слугителей собора, внезапно пронзила сознание девушки. Страх и беспокойство овладели ею, и она, не замечая того, начала размышлять вслух:

- Что я могу предпринять? В собор меня не впустят без серьёзной причины. Нужно придумать нечто значительное... Только одно чудо способно вернуть доверие священников - вновь обрести мои потерянные белые крылья.

Грустно улыбнувшись, девушка прикоснулась к своей спине и пробормотала:

- Не думала, что буду по ним скучать...

Положив голову на подушку, Габриэль погрузилась в сон.

Открыв глаза, она оказалась на поле боя. Крики, кровь, отчаяние - всё это Габриэль прочувствовала насквозь. От боли она упала на колени и, прикрыв уши руками, ощутила, как сердце бешено застучало. Из глаз потекли слёзы, дыхание перехватило - казалось, ещё мгновение, и она потеряет сознание.

Но вдруг Габриэль почувствовала на своей голове тёплое прикосновение. Она подняла голову и увидела прекрасную женщину в доспехах; по её мечу стекала кровь.

- Ни шагу назад! Искореним нечисть с корнем, извергнем их в ад! - громко и властно произнесла женщина.

Она опустилась на колени рядом с Габриэль и, стерев слёзы с её лица, тихо сказала:

-Та, что не готова воевать, не должна идти на поле боя!

И в тот же миг - снова темнота, а после ослепительный свет. Вновь открыв глаза, девушка оказалась в прекрасном лесу. Поднявшись, она стряхнула с себя листья.

Оглянувшись, Габриэль начала осматриваться. Дойдя до большого вишнёвого дерева, рядом с которым стояла беременная женщина, Габриэль замерла: та была настолько красива, что невозможно было оторвать глаз. Ноги сами повели её к незнакомке.

Невысокая худая женщина в одеяниях собора гладила свой живот и пела колыбельную мягким, тихим, успокаивающим голосом:

- Спокойной ночи, малыш мой...

Пусть добрый ветер взмахнёт крыльями высоко,

И через боль от судьбы моей - я буду с тобой,

Хоть не рядом уже, а лишь в памяти живой.

Открой в небо ночное путь, в страну сладких снов.

Я останусь рядом с тобой хоть на земле,

Я в душе твоей, на небе, держа руку твою...

Габриэль стояла рядом и чувствовала исходящие от женщины тепло и заботу - но вместе с тем и приглушённую боль глубоко внутри её души.

-Извините, а как вас зовут? - тихо спросила Габи.

Но женщина не отвечала. Когда девушка подошла поближе и протянула руку к плечу красавицы, та в мгновение побледнела: глаза начали истекать кровью, красивые аккуратные пальцы почернели. Женщина схватила Габриэль за руку и попыталась её укусить:

- Ты - моё спасение!

Габриэль, не понимая происходящего, почувствовала опасность. Она хотела схватить женщину правой рукой и повернуть её спиной к себе, но не могла пошевелиться -словно тело сковали невидимые цепи. Когда до укуса оставались считанные секунды, Габриэль вырвали из лап чудовища:

-Изыди!

Плеснув в чудовище водой, парень повернулся к Габриэль и внимательно осмотрел её руку:

-Ты в порядке? Она тебя не укусила?

Габриэль была в полном шоке - впервые в жизни она не смогла дать отпор. Парень отвёл девушку к озеру, умыл её лицо и, достав из кармана странную маленькую баночку, нарисовал на лбу с помощью мази древний символ.

Придя в себя, Габриэль посмотрела на сидевшего рядом парня:

- Спасибо большое, что спас меня. Боюсь представить, что бы со мной было!

Парень улыбнулся и сказал:

- Это верно! Если бы я не успел, ты бы была высушенной мумией.

Хоть Габриэль и была благодарна за спасение, ей не понравилось, что этот красивый парень возносился.

- Ну знаешь, если бы моё тело было не сковано, я бы, и сама справилась! - пробубнила Габриэль.

Парень засмеялся, и девушке стало немного спокойнее:

- Это точно. Зная жрицу людей, ты бы ей вспорола кишки!

Габриэль немного насторожилась:

- Откуда ты знаешь, кто я? И как ты прогнал того духа? И что ты нанёс мне на лоб?

Парень, заметив насторожённость Габриэль, сказал:

- Знаешь, почему во время опасности твоё тело сковывается? Потому что ты, как жрица, обязана помогать - и твоя кровь начинает испускать соблазнительно сладкий запах, который дурманит духов и чудовищ. А так как твоя кровь становится целебно-золотой, тело сковывается до того момен-

та, пока она не выльется из тела. Я, как и многие, почувствовал этот дурманивший запах и пришёл помочь. А облил я её намоленной водой - в мире духов она довольно редка. Насчёт знака тоже можешь не волноваться: это защита, которая скрывает запах твоей крови. На счёт сковывания можешь волноваться только в мире духов - в людском мире ты становишься безумно сильной.

Габриэль сидела и молчала. Она не могла поверить услышанной информации - в голове появлялись столько вопросов, ответить на которые мог только этот незнакомец.

- Но у меня нет крыльев, значит, и сила иссякла! Откуда ты так много знаешь? Может, ты знаешь, как вернуть мне крылья?

Но только парень хотел ответить, как вдруг упал в конвульсиях. В судорогах он прокричал:

- Ни в коем случае не давай мне своей крови!

Габриэль не могла понять, почему её кровь такая ценная и почему её все хотят. Смотря, как он страдает, девушка хотела помочь, но парень толкнул её в воду.

Проснувшись от стука в дверь, девушка попыталась вспомнить свой сон - словно ей приснилось что-то важное... Но в голове была пустота, и лишь маленький странный шрам на правой руке напоминал о чём-то неведомом.

В особняке звучали безумные крики, наполненные болью и отчаянием. Звук доносился из спальни на втором этаже.

Вокруг кровати сустились горничные: они метались с та-

зиками, в которых плескалась вода, окрашенная кровью, но-
сились с бинтами и пучками целебных трав. Одна из них,
бледная и дрожащая, выкрикнула:

-Быстрее несите успокоительное!

В кровати лежал мужчина - он издавал ужасные крики от
боли, царапал себя, бился в неистовстве. Его верный слуга, с
лицом, искажённым от напряжения, пытался удержать руки
господина, чтобы горничные смогли влить ему лекарство. Но
мужчина был невероятно силен - слугам стоило огромных
усилий заставить его подчиниться.

- Господин, выпейте лекарство, и вам станет лучше! - по-
вторял слуга, почти умоляя.

Наконец слуге удалось схватить запястья господина. Гор-
ничные мгновенно воспользовались моментом: они влили
успокоительное, и спустя пару минут хозяин, обмякнув, по-
грузился в тяжёлый сон. Пока он спал, ему ввели обезболи-
вающее и аккуратно обработали раны - движения горничных
стали чуть более размеренными, но в глазах всё ещё чита-
лась тревога.

В комнату к девушке зашёл высокий, чуть сутулившийся
парень.

-Привет, занята? -спросил он.

Габриэль встала с кровати:

-О, Марк, заходи. Я только проснулась!

Маркус был высок и строен, а его удивительно белые во-
лосы доходили до широких плеч - словно в них застыли лу-

чи луны. Холодные голубые глаза смотрели твёрдо и решительно; длинные пряди частично скрывали лицо, придавая облику оттенок таинственности. В гордом профиле читалась внутренняя сила, но в глубине взгляда таилась невыразимая скорбь - след утраты, о которой знали лишь близкие.

Мускулистые плечи, шея и руки Маркуса были покрыты татуировками: змеиные орнаменты переплетались с изящными цветами. Эти символы рассказывали о пути одиночества и борьбе с болью после гибели возлюбленной.

Он держался настороженно и серьёзно, не терпел пустых шуток и всегда полагался только на себя. Правая рука невольно касалась рукояти меча, закреплённого на поясе, - клинок давно стал его верным спутником, орудием защиты и возмездия. Потеря опустошила душу Маркуса, но закалила волю: теперь он был готов оберегать тех, кого ещё можно спасти.

Габи предстала перед парнем в весьма нетипичном для служащей храма виде: на ней было довольно открытый халат.

-Что случилось? -спросила она.

Парень слегка повернул голову, стараясь ненароком не разглядывать тело девушки.

- Рик сказал мне, что принёс тебе утреннюю газету, - произнёс он. - Хотя на мои настойчивые просьбы не делать этого он едва не отправил меня куда подальше и надолго. Так что, полагаю, ты уже прочитала содержание этой проклятой газеты?

Девушка бросила взгляд на кровать, где лежала газета, и тихо пробубнила:

- А мне он сказал не рассказывать...

Она присела на кровать, взяла газету и, дрожащим голосом произнесла:

- Зачем она согласилась? Она одна знала, что со мной вытворяли, - и всё равно согласилась на эту роль!

Марк подошёл к девушке и решительно сказал:

- Это её решение, и тебе в него лезть не надо! У неё есть голова на плечах - она знает, что делает!

Габриэль была шокирована словами парня. Она посмотрела на него и, чуть ли не крича, сказала:

- Ты сейчас серьёзно? Зная всю правду, я должна просто сидеть и наблюдать издалека, как она себя убивает? Они её будут избивать, морить голодом, бить плетью, подвешивать крылья на цепи, публично раздевать догола! На церемонии рыцарства она убьёт себя, если произнесёт святые слова... Вот такая у неё будет участь! Меня выгнали, потому что у меня обломались крылья - богиня покинула моё тело. Я... Не хочу! Нет, я не могу позволить, чтобы с ней вытворяли то же самое, что вытворяли со мной! Я не хочу её смерти!

Девушка посмотрела на свои руки и глухо произнесла:

- Лучше я отдам душу дьяволу и убью каждого в соборе, чем позволю им убить Афины!

Марк заметил, что девушку начало трясти - словно она теряла контроль. Такое случилось, когда создания выше че-

ловека впадали в отчаяние: этот феномен прозвали «Поглощением». Поборовшись с собой, парень решился на отчаянный шаг - либо он приведёт её в чувства, либо она убьёт его, будучи поглощённой.

- Хочешь продать душу дьяволу? Тогда давай я покажу, что он будет вытворять с твоим телом, Габриэль! - резко произнёс он, шагнув ближе.

Уложив девушку на кровать, парень снял рубашку и навалился над ней. У Габи словно прояснилось в голове - испугавшись, она начала отталкивать Марка, но из-за нехватки духовной силы её тело стало таким же хрупким и слабым, как у обычной двадцатилетней девушки: ей не хватало сил, чтобы его оттолкнуть.

Когда парень снял с неё халат, она закрыла глаза руками и заплакала. Но вместо прикосновений, которых она боялась, Габриэль почувствовала на плечах холодное одеяло.

- Не разбрасывайся словами, - тихо произнёс Марк. - Ты должна помнить, что даже без крыльев ты - ангел. И твои тёмные душевные чувства могут поглотить тебя и превратить в чудовище.

Закрыв дверь, парень оставил плачущую и дрожащую от страха Габриэль одну. Уже в коридоре, словно оправдываясь перед самим собой, он тихо добавил:

- Я знаю, что это сурово. И я повёл себя как мудака. Но по-другому... произошла бы вновь катастрофа.

Прошло два дня после случившегося. Габриэль закрылась

в своей комнате, никого не впуская внутрь.

Молодые парни собирались завтракать, и Рик обратил внимание, что девушки нигде не видно. Обычно она старалась не пропускать еду - особенно после строгих ограничений, установленных в соборе.

- Может, Габи заболела? - неуверенно спросил Рик, поднимая взгляд на Марка.

Маркус невозмутимо продолжал трапезу, но вопрос друга неожиданно отвлёк его. Решив проверить, он поднялся наверх, постучал в дверь и прислушался.

- Габриэль, ты как там? - окликнул он.

Ответом была полная тишина.

- Может, спит... - подумал Марк.

Спускаясь вниз, он решил зайти к девушке после обеда, успокаивая себя мыслями, что она просто уснула - последствия потрясений последних дней давали о себе знать.

Между тем Габриэль сидела у окна, прижавшись спиной к стене. Комната казалась ей тесной, удушливой - словно сама атмосфера давила на плечи, усиливая тяжесть, что сковала душу. Перед глазами мелькали воспоминания прошлого: вот она в соборе, юная и полная веры, вот - момент падения, когда крылья, прежде дарившие благодать, стали лишь прошлым. Её губы дрожали, а из уголка левого глаза скатилась горячая солёная слеза - первая, за которой, она знала, последуют другие, но девушка упрямо сдерживала рыдания.

Безмолвно рассматривая своё отражение в зеркале, она

взяла в руку осколок разбитой хрустальной вазы. Острые грани сверкали бликами утреннего солнца -насмешливо, издевательски ярко, будто напоминая о том, какой светлой, когда-то казалась её жизнь. В голове билась мысль: «Это всё я. Всё из-за меня».

Мысленно прокручивая события последних дней, девушка испытывала непередаваемое отчаяние и ненависть к себе. Каждая сцена всплывала с болезненной чёткостью: газетная статья, когда Афины называли новой жрицей; предостережение Марка; шёпоты за спиной; собственное бессилие перед лицом судьбы.

- Из-за меня столько ужасов приходится терпеть близким людям... - прошептала она, и голос дрогнул, сорвавшись на хриплый шёпот. - Богиня отвернулась от меня окончательно. Без крыльев я могла бы стать обычной служительницей, жить тихо, незаметно... Но с этими дьявольскими крыльями меня ждёт лишь страшная казнь. Я -ходячее напоминание о том, что вера может быть сломлена.

Её разум затуманивала безумная идея - не как внезапный порыв, а как давно зреющая тень, которая теперь вышла на свет. Взгляд остановился на собственных ладонях, крепко сжимающих стеклянный осколок. Пальцы дрожали, но она заставила себя сжать крепче - до боли, до ощущения мелких царапин на коже. Это было странно: физическая боль казалась спасением от той, что терзала изнутри.

Глубоко вдохнув, она прижала острый край к коже запя-

стья и провела им вдоль руки. Глубокая борозда открылась на коже, и тёмные струйки крови потекла по предплечью, падая на пол каплями. В этот миг мир будто замер: стук сердца, дыхание, даже свет утра - всё отступило на второй план. Осталась только тишина и странное, пугающее облегчение.

Посмотрев на дверь, за которой слышался шум шагов Марка, Габриэль тихо прошептала:

- Хорошо, что ты не увидишь меня в таком состоянии... Прости.

В её глазах застыла смесь боли, вины и отчаянной решимости - как будто она одновременно прощалась и с жизнью, и с надеждой, которую так долго пыталась сохранить.

Спустя некоторое время Марк, спустившийся вниз, ощутил тревожную волну страха - неясную, но настойчивую, будто кто-то шептал на ухо: «Что-то не так». Кровь застучала в висках, а в груди разливалась тяжёлая боль. Он быстро поднялся обратно к комнате Габриэль.

Приблизившись к двери, он попытался повернуть дверную ручку - та не сдвинулась с места. Повертев ключ туда-сюда, Марк понял: замок закрыт изнутри. В горле пересохло, ладони внезапно стали влажными.

- Габриэль, открывай немедленно! Или я выбью эту чёртову дверь! - громко и резко сказал он, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Ответа не последовало. Волна тревоги усилилась многократно, сердце бешено забилося в груди, отдаваясь гулом

в ушах. В висках пульсировало, дыхание участилось. Марк сжал кулаки, сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках, - и, собравшись с силами, ударил плечом в дверную створку, пытаясь сломать замок. Дверь не поддавалась.

Он попробовал ещё раз. Крепко схватив ручку, парень собрал всю силу в мышцах, задержал дыхание - и рванул плечом вперёд с мощным толчком. Грохот, треск -металлический язычок замка вылетел, дверь распахнулась.

Картина, представшая перед глазами, вызвала приступ ужаса. На полу, недалеко от окна, темнела большая лужа свежей крови. Посреди неё лежала Габриэль, укрытая своими новыми жуткими чёрными крыльями. Девушка была абсолютно бледна.

Потрясённый, Марк осторожно приблизился, положил руку на плечо девушки и ощутил ледяной холод кожи. Кровь будто застыла в жилах, а в горле встал ком. В голове метались мысли: «Только не это... Нет, нет, нет... Она не может...» Пальцы дрожали, когда он нервно пытался нащупать пульс.

- Рик, скорее сюда! - закричал он, голос сорвался на хрип.

Через минуту в комнату ворвался Рик - бледный, с расширенными от тревоги глазами. Он на мгновение замер, охваченный ужасом, увидев, как Марк держит Габриэль на руках. Но уже в следующее мгновение взял себя в руки. Быстро опустился на колени рядом с девушкой, аккуратно отодвинул крыло, чтобы лучше видеть лицо Габриэль. Приложил пальцы к её шее, замер на секунду, сосредоточенно вслуши-

ваясь в биение пульса. Резко поднялся, схватил с комода полотенце, намочил его водой из кувшина и протёр лицо девушки, чтобы привести её в чувство.

Чётко и властно выкрикнул, глядя Марку прямо в глаза:
- Положи её на кровать! Она жива! Быстрее, нужно остановить кровотечение!

Не дожидаясь ответа, Рик сорвал с кровати покрывало, расстелил его рядом, помогая Марку аккуратно переложить Габриэль. Затем быстро разорвал край простыни на полосы, ловко и уверенно начал перевязывать рану на руке девушки, приговаривая:

- Держись, Габи... Всё будет хорошо. Мы рядом, мы поможем.

В замке великого Судьи Тьмы царила напряжённая тишина - густая, почти осязаемая, словно сама тьма сгустилась под потолками. Каменные стены, покрытые вязью древних проклятий, впитывали отблески багрового пламени факелов, отбрасывая на пол изломанные тени, будто пытающиеся дотянуться до каждого, кто осмелится войти.

Мужчина с искажёнными чертами лица - некогда прекрасного, теперь изуродованного печатью вечного гнева - восседал на тронном кресле из чёрного камня, с множеством трещин, напоминающими руны забытого языка. Его глаза, похожие на холодно-синий огонь, вглядывались в огромную чашу часов, где вместо песка струились падшие души, отсчитывая мгновения чьей-то обречённой судьбы. Он выслуши-

вал доклад подчинённого демона - тот стоял навтытяжку, едва осмеливаясь дышать, - и в каждом движении Судьи сквозила подавляющая сила, способная сломить волю любого.

Вдруг помещение вздрогнуло от внезапного вторжения слуги. Тот ворвался внутрь, задыхаясь от спешки, и громко выкрикнул:

- В.Великий Верховный Судья! Нефелин перешёл ко второй фазе!

Верховный Судья медленно поднялся с трона. Его изуродованное лицо исказилось злорадной ухмылкой, а пепел обугленных остатков крыльев слегка осыпался с плеч, оседая на чёрном камне, как прах. В этом жесте читалась не просто радость - а предвкушение, жестокое и беспощадное. Он наслаждался моментом, смаковал его, словно вино редкого урожая.

Голос зазвучал холодно, ровно, без тени сомнения - пронизанный абсолютной уверенностью, от которой у слуги по спине пробежал ледяной озноб:

-Отличные вести! - произнёс он, и в уголках губ мелькнула тень торжества. - Скоро я найду её... и предам адскому огню. Никто не ускользнёт от моего правосудия. Ни одна душа не избежит расплаты.

Он сделал шаг вперёд, и тени вокруг него словно ожили, вытянулись, будто поклоняясь своему повелителю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.